

На самом деле, съёмки далеко не так увлекательны, как думают зрители. Большую часть времени это довольно тяжёлый и утомительный процесс: бывает, в жару приходится сниматься в шубе, а в зимний холод в футболке и шортах, снова и снова есть одну и ту же миску лапши, повторять одну и ту же реплику, кататься в грязи или ползать в воде.

— Был однажды случай, снимал я сцену драки. На мне была шуба из лисьего меха, в зубах зажат нож, и нужно было проплыть под водой через реку. Но река на самом деле была очень мелкая, самое глубокое место едва доходило мне до пояса. И выхода не было, чем дальше шёл, тем ниже приходилось сгибаться. Одежда тянула вниз, а на лице нужно было ещё и держать свирепое выражение. Боже мой, мне в тот момент до смерти хотелось рассмеяться...

Когда съёмки «Партии» только начались, Су Цзянь, стремясь помочь И Тяньшу быстрее влиться в съёмочную группу, любил в перерывах рассказывать разные забавные истории из своей жизни. Обычно это вызывало у всей группы громкий смех и оживлённые разговоры.

И Тяньшу всегда сидел рядом и внимательно слушал, а в смешных местах уголки его губ едва заметно подрагивали.

Позже, когда они постепенно сблизились, И Тяньшу спросил Су Цзяня, почему тот теперь в перерывах почти не рассказывает историй. Су Цзянь тогда только загадочно улыбнулся и отмахнулся парой ничего не значащих слов.

Он подумал: «Ну что ещё рассказывать? Если продолжать, то придётся уже вытаскивать истории о тех временах, когда я бегал в детских штанишках с разрезом».

Однако, заботиться об И Тяньшу стало для него привычкой.

Даже если теперь И Тяньшу уже давно не сидел молча в углу, как в первые дни съёмок, Су Цзянь всё равно любил перевести разговор на него.

Может быть, ему просто нравилось видеть беспомощные реакции И Тяньшу, а может, он лишь хотел, чтобы тот сказал хоть пару слов. Как бы то ни было, если Су Цзянь был рядом, И Тяньшу никогда не оставался один.

Даже во время недавней сцены в спортзале Су Цзянь с притворной серьёзностью бросил «вызов» лишь для того, чтобы подтолкнуть И Тяньшу к людям.

Эффект был очевиден: ощущение отчуждённости, исходившее от И Тяньшу, постепенно растворялось, и порой коллеги даже позволяли себе лёгкие, безобидные шутки в его сторону.

Время пролетело быстро, и вот уже прошёл почти месяц с начала съёмок.

Однажды, когда они утром вместе ели лапшу, — с тех пор как Су Цзянь и И Тяньшу

сблизились, они всегда завтракали вдвоём, — Су Цзянь сидел и молчал, с задумчивым лицом. В какой-то момент он и вовсе замер с палочками в руках.

И Тяньшу почувствовал, что что-то не так, и посмотрел на него:

— Ты же вчера вечером сам шумел, что хочешь чачжанмён, а сегодня уже не хочешь есть?

Но Су Цзянь не ответил на его слова:

— Брат И, я хочу спросить у тебя кое-что.

— Что? — И Тяньшу даже немного растерялся от его серьёзного выражения лица.

— Как у тебя в школе было с физикой?

— Нормально вроде...

— Тогда смотри, — сказал Су Цзянь, вытаскивая сценарий. — «Ло Шуан вцепилась в окно машины и не отпускала. Машина ехала всё быстрее, и в конце концов она не смогла удержаться. Обессилев, она повалилась навзничь* на землю, и машина проехала по её ногам». Это неправильно...

*П.п. Навзничь — на спину.

Услышав это, И Тяньшу и сам почувствовал, что тут есть какая-то странность, но не успел додумать, как Су Цзянь уже продолжил:

— Какое ещё «повалилась навзничь»? Она же всё время держалась за окно. Если силы внезапно кончились, то по инерции она должна была упасть вперёд, на землю лицом вниз. Тогда машина должна была проехать по её голове, разве не так?

— Пожалуй, да... — И Тяньшу задумался. — Если уж падать назад, то это как в перетягивании каната, когда одна сторона тянет в обратную сторону и вдруг отпускает. Тогда можно упасть назад. Но в этой ситуации сила всё время со стороны машины больше, и если она внезапно обессилила, то должна была упасть вперёд.

— Я же говорил! Из-за этого я так долго ломал голову, — Су Цзянь покачал головой и улыбнулся. — Похоже, я всё-таки не совсем подвёл своего школьного учителя физики.

Потом он снова склонился над лапшой, выражение его лица стало более расслабленным. И Тяньшу тоже улыбнулся:

— Тогда процитируй мне этот... как его... закон Ньютона.

После короткой паузы Су Цзянь усмехнулся:

— Тогда придётся сказать: «Извините!».

Услышав это, И Тяньшу рассмеялся.

Что же касается исправлений — вряд ли кто-то станет их вносить.

Ведь дело не только в том, упала она назад или вперёд. Важно также переедет машина ноги или голову. Более того, именно эта логическая цепочка рассуждений имеет решающее значение для всего дела, и стоит только потянуть за одну ниточку, как вся конструкция распадётся.

Если посмотреть с другой стороны, то в сериале влияние актёра имеет самое наименьшее значение.

Су Цзянь с трудом прожевал большой кусок лапши, поднял голову и сказал:

— В самом деле... Эх, у меня плохое предчувствие. Похоже, это из тех историй, что начинаются многообещающе, а заканчиваются слабо.

На самом деле они оба чувствовали: в сценарии в последнее время произошло слишком много изменений. Многие дела сценаристы переписали заново, и в них совершенно не было логики, да и вообще создавалось впечатление, что всё сделано чересчур примитивно. Однако оба молчаливо решили этого не обсуждать.

И Тяньшу помолчал немного, а затем улыбнулся:

— Раз уж мы здесь, остаётся только спокойно принять всё как есть. Главное сыграть как можно лучше свою роль.

— Тоже верно, — вздохнул Су Цзянь и снова отправил в рот большую порцию лапши.

<http://bllate.org/book/13820/1219688>